

12.00.01

Теория и история права и государства;
история учений о праве и государстве
Theory and history of law and state;
History of law and State teachings

DOI: 10.33693/2223-0092-2020-10-2-132-138

Формирование горизонтальной и вертикальной структур российского законодательства в условиях развития цифровых технологий

И.С. Барзилова ©

Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
г. Москва, Российская Федерация

E-mail: advantage80@mail.ru

Аннотация. *Цель исследования.* В статье рассматриваются проблемы формирования горизонтальных и вертикальных связей в системе российского законодательства. Анализируется процесс трансформации российской правовой системы в условиях развития цифровых технологий, происходящие изменения в современном механизме правового регулирования. Целью исследования является установление и выявление особенностей существующих горизонтальных и вертикальных связей, существующих и возникающих между нормативными актами, включенными в систему законодательства. Это необходимо для определения основных направлений развития российской системы законодательства в условиях развития цифровых технологий. **Выводы.** В результате проведенного исследования автор приходит к выводу, что в системе российского законодательства можно выделить вертикальные и горизонтальные связи. В качестве оснований выделяются предмет правового регулирования и система государственного управления. В условиях развития цифровых технологий целесообразно дополнить указанные критерии еще субъектным подходом и используемым в рамках отрасли законодательства правовым режимом. Вертикальные и горизонтальные связи между нормативными актами формируются на уровне системы законодательства, тогда как система права характеризуется наличием только связей горизонтальных. Система законодательства значительно больше по объему, нежели система права. Система законодательства включает не только нормативные правовые акты, но и различного рода технические правила, регламенты. В системе законодательства можно выделить отдельные комплексные образования, регулирующие определенную сферу общественных отношений. Имея рукотворный характер, система законодательства может более оперативно реагировать на изменения, происходящие в общественной жизни. Автор делает вывод, что необходимо использовать более дифференцированный подход в определении отраслей системы законодательства. И здесь в качестве решения можно использовать субъектный подход.

Ключевые слова: правовая система, механизм правового регулирования, система права, система законодательства, цифровые технологии, трансформация права

Благодарности. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-29-16114.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Барзилова И.С. Формирование горизонтальной и вертикальной структур российского законодательства в условиях развития цифровых технологий // Социально-политические науки. 2020. Т. X. № 2. С. 132–138. DOI: 10.33693/2223-0092-2020-10-2-132-138

Formation of horizontal and vertical structures of the Russian legislation in the conditions of the development of digital technologies

I.S. Barzilova ©

Moscow State Law University named after O.E. Kutafina (MSAL),
Moscow, Russian Federation

E-mail: advantage80@mail.ru

Abstract. *The purpose of the research.* The article discusses the problems of forming horizontal and vertical ties in Russian legislation system. The process of transformation of the Russian legal system in the context of the development of digital technologies, the ongoing changes in the modern mechanism of legal regulation are analyzed. The purpose of the research is to establish and identify the features of existing horizontal and vertical relationships that exist and arise between normative acts included in the system of legislation. This is necessary to determine the main directions for the development of the Russian legal system in the context of digital technologies.

Results. As a result of the research, the author comes to the conclusion that vertical and horizontal connections can be distinguished in the system of Russian legislation. The subject of legal regulation and the system of public administration are singled out as grounds. In the context of the development of digital technologies, it is advisable to supplement these criteria with a more subjective approach and the legal regime used in the field of legislation. The author comes to the conclusion that vertical and horizontal links between normative acts are formed at the level of the legal system, while the legal system is characterized by the presence of only horizontal links. The legal system is much larger than the legislative system. The legislative system includes not only normative legal acts, but also various technical rules and regulations. In the system of legislation, it is possible to distinguish separate complex entities that regulate a certain sphere of public relations. Having a man-made nature, the legislative system can respond more quickly to changes in public life. The author concludes that it is necessary to use a more differentiated approach in determining the branches of the legislative system. Here, too, the subject approach can be used as a solution.

Keywords: legal system, mechanism of legal regulation, system of law, system of legislation, digital technologies, transformation of law

Acknowledgments. The reported study was funded by RFBR according to the research project № 18-29-16114.

FOR CITATION: Barzilova I.S. Formation of horizontal and vertical structures of the Russian legislation in the conditions of the development of digital technologies. *Sociopolitical Sciences*. 2020. Vol. X. No. 2. Pp. 132–138. (In Russ.) DOI: 10.33693/2223-0092-2020-10-2-132-138

ВВЕДЕНИЕ

Современный этап развития отечественного законодательства ставит перед юридической наукой новые задачи. За последнее время значительно возросла доля использования технических средств, устройств, цифровых технологий, что должно учитываться в процессе их правового опосредования. Цифровые технологии создают не просто дополнительные возможности для человека, но могут качественно их поменять. С использованием «цифровой среды» возможно значительно ускорить сами взаимодействия между участниками общественных отношений, именуемые в праве правовыми отношениями, поменять скорость реализации ими своих субъективных прав и юридических обязанностей, дополнить перечень юридических фактов и т.п. Все это ставит перед теорией права новые проблемы, требующие глубокого осмысления и решения.

В настоящее время юридическая наука сталкивается с вопросами, которые по своей сути не являются

сугубо юридическими, что связано с развитием цифровых технологий. Сегодня человек может существовать в двух системах, в двух мирах, реальном и виртуальном. В виртуальном мире человек может уже представляться в виде «аватара», реализуя свои «цифровые права» и «цифровые обязанности». Право, безусловно, должно подобные виртуальные отношения регулировать, так как они уже вошли в нашу повседневную жизнь и люди в них активно участвуют. В этой связи общая теория права необходимо определиться в отношении тех вопросов, которые составляют его основу. К числу последних относится вопрос о структурировании системы права и системы законодательства, выстраивании горизонтальных и вертикальных связей между нормативными актами.

В юридической науке традиционно система права и система законодательства соотносятся как содержание и форма, где содержание составляет система права, имеющая объективный характер, а форму – система

законодательства, имеющая во многом характер субъективный и зависящая от воли законодателя. Система законодательства отражает строение источников права.

СИСТЕМА РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА: ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

Вертикальные и горизонтальные связи между нормативными актами формируются на уровне системы законодательства, тогда как система права характеризуется наличием только связей горизонтальных. Система законодательства, как известно, значительно больше по объему, нежели система права. Система законодательства включает не только нормативные правовые акты, но и различного рода технические правила, регламенты (составляющие технико-юридические нормы). Кроме того, в системе законодательства можно выделить отдельные комплексные образования, регулирующие определенную сферу общественных отношений (законодательство об охране природы и т.п.). Имея рукотворный характер, система законодательства, думается, может более оперативно реагировать на изменения, происходящие в общественной жизни.

В связи с формированием цифровой среды, в которой человек вступает во все новые взаимодействия, имеющие, в том числе и правовой характер (правовые отношения), на уровне системы законодательства этот вопрос должен быть в определенной степени урегулирован.

Если вертикальная структура системы законодательства связана с распределением нормативных актов в зависимости от юридической силы, то горизонтальная – учитывает особенности тех отношений, которые регулируются правом, а также система государственного управления. Таким образом, анализ возникающих связей между нормативными правовыми актами хотелось начать именно с горизонтальной структуры системы отечественного законодательства. В горизонтальной структуре системы законодательства могут учитываться так называемые цифровые источники, с помощью которых регулируются общественные отношения. Так как, в цифровую эпоху меняются не только сами общественные отношения, но и их участники, их статус, то при формировании горизонтальной структуры отечественного законодательства должен быть введен дополнительный субъектный подход.

Кроме того, субъекты правовых отношений в цифровой среде сталкиваются с проблемой взаимодействия не с человеком (физическим лицом), не с коллективом людей (например, юридическим лицом), а с программой, состоящей из определенных цифровых кодов, заранее запрограммированных алгоритмов. С «цифровым кодом» (искусственным интеллектом) нельзя договориться, выработать общую линию поведения, взаимовыгодные условия, что характерно для частных отраслей законодательства. То есть, с одной стороны, находится человек с его пониманием особенностей фактически существующих отношений, определенным уровнем правосознания и правовой культуры, менталитетом, с другой же – программа с четко выстроенным алгоритмом, просчитывающая с максимальной точностью все «ходы», но оторванная от социальной жизни. Подобный дисбаланс и должен учитываться при струк-

турировании системы законодательства. Думается, с учетом социальной практики недопустимо включать в отдельные отрасли законодательства исключительно «цифровое право», важно создать разумный баланс между «живым, человеческим правом» и «цифровым».

ГОРИЗОНТАЛЬНАЯ СТРУКТУРА РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

При формировании горизонтальной структуры системы законодательства представляется целесообразным особое внимание уделять соотношению традиционных нормативных актов и норм, существующих в «цифровой среде». Здесь сразу встает вопрос о допустимости включения в систему законодательства «цифровых норм». Безусловно, автоматически они включаться не должны. Необходимо разработать механизм имплементации «цифровых норм» в отечественное законодательство (можно для примера взять практику включения международных норм в отечественное право). В этот механизм, думается, важно включить процедуру юридического и, главное, технического обоснования возможности использования «цифровых норм» в системе отечественного законодательства.

Необходимо учитывать, что «цифровые нормы» принципиально отличаются от технических норм, хотя и могут рассматриваться в качестве их разновидности. «Цифровые нормы» – это программа, система кодов, разработанная людьми, она носит субъективный характер, это продукт человеческой деятельности, человеческого интеллекта, что принципиально отличает его от объективно существующих законов природы, которые учитываются при формировании технико-юридических норм. По сути дела меняется среда, где существует и взаимодействует человек, создается новое цифровое пространство, сфера и, безусловно, человек должен быть в ней защищен.

Принципиально, думается, необходимо решить вопрос о возможности существования в системе источников права, включаемых в систему законодательства, ее отдельные отрасли и комплексные образования, «цифровых источников», «цифровых форм права». Могут ли подобные источники существовать самостоятельно или обязательно создавать к ним инструкции, «правила пользования», «руководства к эксплуатации», что приблизит их по содержанию и порядку регулирования к технико-юридическим нормам. Подобный вариант, как представляется, заслуживает внимания, так как механизм использования технико-юридических норм в отечественной правовой системе уже есть и он апробирован практикой.

Подобный механизм, как представляется, решит и вопросы определения пределов использования «цифровых норм», позволит сформировать систему юридической ответственности в цифровой среде, избежать проблемы ее деперсонификации. Инструкции к цифровым технологиям, создание правил пользования ими и придания данным документам легального характера с помощью системы подзаконных нормативных правовых актов позволят наиболее рационально «включить» подобные «цифровые источники» в систему отечественного законодательства. То есть, сам «цифровой источник» может состоять из двух частей, а именно,

Барзилова И.С.

цифровой части, включающей саму программу и инструкцию к ней, «подключенную» ко второй части – нормативному правовому акту (например, нормам административного, уголовного, гражданского права).

Возможно создание инструкции в отношении нескольких «цифровых источников», которые целесообразно объединить по определенному основанию в виды, таким образом, сформировав базовое, типовое правило пользования данными «цифровыми продуктами». Или создание рамочных правил поведения в «цифровой среде» по типу регулирования международно-правовых отношений. В качестве примера международное право предлагается не случайно, так как «цифровая среда», «цифровое пространство», «цифровые технологии» не знают географических границ и пределов и существуют в особом виртуальном мире, в который и переносится человек.

При формировании горизонтальной структуры системы отечественного законодательства необходимо учитывать и то, каким способом излагается норма права в статье нормативного правового акта. Для «цифрового права» самым рациональным является бланкетный способ изложения, позволяющий с помощью технической (цифровой) составляющей осуществлять процесс регулирования, с помощью же различного рода инструкций, как уже говорилось ранее, это правило «привязывается» к праву.

Рассматривая горизонтальные связи системы российского законодательства в «цифровую эпоху» необходимо остановиться на вопросе их соотношения с отраслями права. Объективный характер системы права в определенной степени ограничивает простор субъективного усмотрения в структурировании системы законодательства. Предмет регулирования в рамках отрасли законодательства весьма неоднороден. Он включает в себя множество отношений, для их объединения должен быть выбран какой-либо критерий. И не учитывать этого просто нельзя. Чтобы в современных условиях решить подобную проблему необходимо использовать более дифференцированный подход в определении отраслей системы законодательства. И здесь в качестве решения можно использовать субъектный подход.

Субъектный подход позволит определить, в каком качестве человек может участвовать в правовых отношениях. Поэтому важно при рассмотрении дополнительных критериев классификации отраслей законодательства, субъектного подхода определиться с правовым положением (статусом) участников правовых отношений, регулируемых с использованием цифровых технологий. Думается, вполне целесообразно введение понятий «цифровые права» и «цифровые обязанности».

Под «цифровыми правами» предлагается понимать устанавливаемую правом и цифровыми технологиями меру возможного поведения субъектов, позволяющую им наиболее рационально и последовательно удовлетворять собственные интересы и потребности. «Цифровые обязанности» – это устанавливаемая правом и цифровыми технологиями мера необходимого поведения лица в интересах управомоченного субъекта. В действующем законодательстве важно закрепить формы, средства и способы реализации «цифровых обязанностей» и «цифровых прав», механизмы их исполнения и использования.

«Цифровые права» и «цифровые обязанности», таким образом, являются элементами правового статуса субъектов отношений, регулируемых правом и цифровыми технологиями. Данные права и обязанности могут существовать строго в определенной сфере, только там, где человек участвует в отношениях, переносимых в виртуальную, цифровую реальность. Это будет регулироваться комплексными отраслями законодательства, в рамках которых устанавливается специальный правовой режим, выделяемые на основании трех критериев, а именно:

- 1) предмет правового регулирования;
- 2) система государственного управления;
- 3) участники правовых отношений.

В определенной степени послужит в процессе апробации предлагаемого субъектного подхода систематизация законодательства, представляющая собой упорядочение нормативных актов. Особую роль здесь могут сыграть консолидированные акты, регулирующие отношения в «цифровой среде», создаваемые в зависимости от участников правовых отношений. Подобная «компромиссная» систематизация, сочетающая в себе черты инкорпорации и кодификации, может послужить началом в формировании комплексных отраслей российского законодательства, включающая уже три блока регуляторов (право, технические нормы, цифровые коды и программы). Думается, подобную модификацию пока можно проводить только на уровне системы законодательства, с системой же права обращаться необходимо более осторожно.

В системе законодательства, как известно, есть отрасли, соответствующие отраслям права (например, конституционное право), а есть отрасли законодательства, выделенные в зависимости от сфер государственного управления экономикой, социальными отношениями и т.п., которые и носят в основной своей массе комплексный характер. «Цифровое право», думается, необходимо структурировать именно в данной сфере. Важно здесь учитывать и то, что подобные комплексные отрасли законодательства представляют собой массив нормативных актов, который как бы возвышается над базовыми отраслями права или менее крупными по объему отраслями законодательства. Именно в подобных комплексных отраслях законодательства целесообразно использовать консолидированные нормативные акты. Комплексные отрасли законодательства могут рассматриваться как своего рода «узловые звенья» в структурировании горизонтальных связей в системе современного российского законодательства, а консолидированные нормативные акты позволят укреплять связи между другими нормативными актами в данной системе.

Важно учитывать и тот факт, что в системе законодательства в качестве критерия используется только предмет правового регулирования, единого метода регулирования здесь нет. Поэтому представляется в рамках отраслей законодательства более широко применять такой критерий как правовой режим. Правовой режим связан с обозначением общей направленности в правовом регулировании, он позволяет сочетать в определенной последовательности различные методы, используемые с большей или меньшей интенсивностью. Особо актуально стоит вопрос о формировании

специфических режимов в комплексных отраслях законодательства, включающих помимо других источников и «цифровое право».

Формируемые правовые режимы позволяют осуществить следующее:

- выбрать юридические средства, наиболее целесообразные в использовании в процессе регулирования цифровых технологий;
- подобрать необходимые способы воздействия на мотивацию поведения участников правовых отношений в «цифровой среде»;
- предусмотреть меры юридической ответственности и создать механизмы, обеспечивающие ее реализацию;
- сочетать наиболее рациональным образом «первичные» методы правового регулирования (императивный и диспозитивный), а также выстроить саму систему используемых методов в рамках отрасли;
- выделить отдельные «блоки» в рамках комплексной отрасли законодательства, где императивный метод правового регулирования будет использоваться наиболее интенсивно или, наоборот, будет наблюдаться преобладание диспозитивного метода правового регулирования;
- определять «блоки» в рамках комплексной отрасли законодательства, где в большей или меньшей степени субъекты могут использовать свои «цифровые права» и «цифровые обязанности», включаемые в структуру их правового статуса;
- позволяют более четко определять сферу регулирования общественных отношений с помощью «цифрового права», а также интенсивность подобного регулирования;
- определять пределы правового регулирования в «цифровой среде» и т.п.

Думается, использование субъектного подхода и специфических правовых режимов в рамках комплексных отраслей законодательства поставит вопрос о выделении подотраслей законодательства, хотя это и весьма спорный вопрос. Это может создать трудности в соотношении системы права и системы законодательства, излишне усложнив форму, мы можем «размыть» содержание. Поэтому форма всегда должна оставаться адекватной содержанию.

Влияние на формирование горизонтальной структуры российского законодательства окажет, думается, юридическая практика. Накопленный опыт реализации права в различных сферах, в том числе и формирующегося «цифрового права», со всей очевидностью покажет целесообразность проводимых преобразований. Если предлагаемая схема структурирования системы законодательства будет приводить к возникновению дублирующих, конкурирующих, коллизионных норм, то, думается, она в дальнейшем будет пересмотрена. Ведь конкуренция может возникнуть не только между правовыми, технико-юридическими нормами, но и самим программами, цифровыми кодами. Погоня за оптимальностью в принятии решений в плане регулирования общественных отношений тоже может привести к возникновению противоречий, а юридическая практика как раз и позволит их выявить. Так как система законодательства носит субъективный характер, то наиболее оптимальные, эффективные нормы

в сфере «цифрового права» будет определять уже сам человек. Динамика самой общественной жизни тоже устранил излишний субъективизм в структурировании системы российского законодательства.

Для формирования опыта использования цифровых технологий в механизме правового регулирования прошло еще достаточно мало времени. Нет пока верифицированных данных о применении цифровых технологий и их влиянии на самого человека. Мы находимся в начале пути, поэтому необходимо весьма осторожно, продуманно подходить к любым изменениям в процессе правового регулирования, крайний радикализм здесь, думается, просто недопустим.

ВЕРТИКАЛЬНАЯ СТРУКТУРА РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Помимо горизонтальной система российского законодательства имеет и вертикальную структуру. Вертикальная (иерархическая) система законодательства предполагает расположение нормативных актов в зависимости от их юридической силы. Как известно, юридическая сила нормативного акта зависит от статуса издавшего его органа или должностного лица, положения и компетенции данного органа (должностного лица). При рассмотрении вертикальной структуры системы законодательства встает вопрос, на каком уровне должно создаваться «цифровое право»? Могут ли носить «цифровые нормы» локальный характер или «последний предел» их создания – это, по крайней мере, муниципальный уровень?

Современная практика показывает, что основной массив «цифровых норм» носит как раз локальный характер. Каждое юридическое лицо разрабатывает свои собственные «цифровые правила», которые в дальнейшем легализует с помощью издания локальных актов. Законодательство федерального, регионального и муниципального уровней содержит положения, защищающие права и свободы индивидуальных субъектов права в «цифровой среде», регламентирует порядок предоставления и использования персональных данных и т.п., то есть закрепляет в основном нормы-гарантии, нормы-цели, нормы-принципы, имеющие учредительный рамочный характер. На законодательном уровне в основной своей массе речь не идет о механизмах внедрения «цифровых норм» в праворегирующий процесс. И это тоже можно рассматривать как своего рода сложившуюся практику, когда на уровне законов закрепляются учредительные нормы, касающиеся регулирования с использованием цифровых технологий, а конкретизация этих технологий осуществляется на уровне подзаконных, преимущественно локальных, актов.

При выстраивании вертикальной системы законодательства в условиях развития цифровых технологий важно учитывать уровни регулирования, существующие в Российской Федерации, а именно, федеральный, региональный, муниципальный и локальный. Если предположить, что на уровне законов устанавливаются рамочные нормы, регулирующие «цифровую сферу», то эти вопросы должны быть отнесены к какому уровню ведения (федеральному, региональному, совместному, муниципальному, локальному)?

Барзилова И.С.

Подобный вопрос представляется весьма важным, так как мы можем столкнуться с проблемой конкуренции уже между программами, цифровыми кодами, различными разработками в сфере искусственного интеллекта, предлагающих с точки зрения их разработчиков самые оптимальные модели регулирования.

Необходимо решить вопрос и о включении в компетенцию правотворческих органов решение вопросов, касающихся создания «цифрового права», «цифровых регуляторов». Параллельно необходимо, думается, рассмотреть вопрос и о формировании системы контроля и надзора за реализацией «цифровых норм», установление мер ответственности для соответствующих лиц.

Современная система законодательства подвергается трансформации. В настоящее время появились качественно новые комплексные объекты правового регулирования, объединяющие значительное количество информации (большие данные), которые не всегда можно урегулировать статьями нормативных актов, относящимися к одной отрасли законодательства. Большие данные представляют собой единый объект регулирования в рамках правовых отношений, который разделять нельзя, изъять часть информации из данного объекта тоже невозможно. Таким образом, необходимо решить вопрос о структурировании системы законодательства с учетом появления подобных объектов правовых отношений. Данные, включаемые в подобную большую систему, могут изначально находиться в сфере регулирования публичного или частного права. Объединяясь в единое целое, они приобретают уже качественно иной характер и нуждаются в иных методах правового регулирования. Подобные комплексные объекты регулирования (большие данные) должны быть соотносены с закрепленными в действующем российском законодательстве основными правами и свободами человека и гражданина, не противоречить им, а включаться в механизм, обеспечивающий их практическую реализацию. Однако на практике решить этот вопрос пока не удастся. Формирование системы больших данных, включающей персональные сведения о физических лицах, приводит к своеобразному отчуждению персональных данных от человека, они ему уже не принадлежат, он не может их скрыть или изъять из этой системы. Поэтому остро встает вопрос о защите персональных данных, формировании системы контроля за доступом к ним, что тоже должно учитываться при структурировании современной системы законодательства.

На формирование горизонтальных и вертикальных связей между нормативными актами влияние оказывают и те проблемы, которые характерны для российского законодательства в целом. Среди них можно выделить следующие:

- на отраслевом уровне «размывается» предмет правового регулирования, что приводит к появлению конкурирующих и дублирующих друг друга норм;
- некачественное использование в нормативных актах правил, приемов, средств и способов юридической техники;
- неоправданное расширение сферы правового регулирования;
- отсутствие в ряде нормативных актов норм-гарантий, обеспечивающих реализацию субъективных

прав и юридических обязанностей участников правовых отношений;

- неправильное сочетание в нормативных правовых актах юридических средств (стимулов, поощрений, ограничений, приостановлений, наказаний, рекомендаций и т.п.);
- отсутствие достаточного аналитического обоснования проекта нормативного акта;
- необоснованная в ряде случаев интенсификация ведомственного нормотворчества;
- отсутствие единой юридической терминологии;
- отсутствие концепции развития российского законодательства в условиях развития цифровых технологий;
- отсутствие методик, определяющих интенсивность регулирующего воздействия права и т.п.

ВЫВОДЫ

На основании изложенного можно сделать следующие выводы:

- в цифровую эпоху меняются не только сами общественные отношения, но и их участники, их статус, при формировании горизонтальной структуры отечественного законодательства должен быть введен дополнительный субъектный подход;
- при формировании горизонтальной структуры системы законодательства представляется целесообразным особое внимание уделять соотношению традиционных нормативных актов и норм, существующих в «цифровой среде»;
- необходимо разработать механизм имплементации «цифровых норм» в отечественное законодательство;
- необходимо решить вопрос о возможности существования в системе источников права, включаемых в систему законодательства, ее отдельные отрасли и комплексные образования, «цифровых источников», «цифровых форм права»;
- субъекты обладают «цифровыми правами», понимаемые как устанавливаемая правом и цифровыми технологиями мера возможного поведения, позволяющую им наиболее рационально и последовательно удовлетворять собственные интересы и потребности;
- субъекты обладают «цифровыми обязанностями», понимаемые как устанавливаемая правом и цифровыми технологиями мера необходимого поведения лица в интересах управомоченного субъекта;
- в рамках отраслей законодательства более широко применять такой критерий как правовой режим;
- необходимо решить вопрос о включении в компетенцию правотворческих органов решение вопросов, касающихся создания «цифрового права», «цифровых регуляторов»; сформировать систему контроля и надзора за реализацией «цифровых норм», установление мер ответственности для соответствующих лиц.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Горизонтальные и вертикальные связи, существующие между нормативными актами в рамках системы законодательства, на современном этапе подвергаются трансформации. Думается, необходимо не только учитывать происходящие изменения в общественной

жизни с учетом развития цифровых технологий, но и те традиции, которые характерны для российской правовой системы. Само право должно рассматриваться с позиции его социально-нравственной природы, лежащей в основе любых цивилизованных сообществ. Человек в праве должен быть защищен, дегуманизация права приведет, думается, к гибели цивилизации людей. Поэтому юридическая наука должна глубоко изу-

чать вопросы, посвященные трансформации системы права и системы законодательства в условиях развития цифровых технологий, выявлять как положительные моменты в данном процессе, так и отрицательные, обозначать возникновение возможных рисков. Все это позволит осуществить наиболее рациональное изменение российской правовой системы с учетом современных реалий.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Кашанина Т.В.* Структура права. М., 2017. 584 с.
2. Отрасли законодательства и отрасли права Российской Федерации: общетеоретический, межотраслевой, отраслевой и историко-правовой аспекты / под ред. Р.Л. Хачатурова. М., 2017. 584 с.
3. *Радько Т.Н.* Система права. История, современность, перспективы / Т.Н. Радько, Е.А. Киримова, Д.М. Азми. М., 2019. 256 с.
4. *Тихомиров Ю.А.* От эпизодичности к целевой результативности // Журнал российского права. 2017. № 1. С. 55–62.
5. *Тихомиров Ю.А.* Право: прогнозы и риски. М., 2015. 240 с.

REFERENCES

1. *Kashanina T.V.* The structure of law. M., 2017 584 p.
2. Branches of legislation and the branch of law of the Russian Federation: general theoretical, inter-branch, branch and historical-legal aspects. R.L. Khachaturov (ed.). M., 2017. 584 p.
3. *Radko T.N.* System of law. History, modernity, prospects / T.N. Radko, E.A. Kirimova, D.M. Azmi. M., 2019. 256 p.
4. *Tikhomirov Yu.A.* From episodic to targeted performance. *Journal of Russian Law*. 2017. № 1. Pp. 55–62.
5. *Tikhomirov Yu.A.* Law: Forecasts and risks. M., 2015. 240 p.

Статья поступила в редакцию 09.04.2020, принята к публикации 20.04.2020

The article was received on 09.04.2020, accepted for publication 20.04.2020

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Барзилова Инна Сергеевна, доктор юридических наук, профессор; профессор кафедры теории государства и права ФГБОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)». Москва, Российская Федерация. SPIN: 5304-5496. E-mail: advantage80@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Inna S. Barzilova, Doctor of Law, Professor; professor of the Department of Theory of State and Law, Moscow State Law University named after O.E. Kutafina (MSAL). Moscow, Russian Federation. SPIN: 5304-5496. E-mail: advantage80@mail.ru